

ДЖЕК ОЛСЕН

УБИЙЦА
С РЕКИ
ДЖЕНЕСИ

ИСТОРИЯ МАНЬЯКА
АРТУРА ШОУКРОССА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-55

Jack Olsen
THE MISBEGOTTEN SON:
A SERIAL KILLER AND HIS VICTIMS – THE TRUE STORY
OF ARTHUR J. SHAWCROSS

Copyright © 2000-2014 by Jack Olsen

Олсен, Джек.

О-55 Убийца с реки Дженеси. История маньяка Артура Шоукросса / Джек Олсен ; [перевод с английского С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2024. — 640 с.

ISBN 978-5-04-189703-1

Маленький Арти Шоукросс с детства был загадкой для психиатров: он мучил животных, разговаривал с вымышленными друзьями и неоднократно убежал из дома из-за жестокой матери. При этом он исправно получал высшие оценки, преуспевал в спорте и делился деньгами и игрушками с детьми.

Повзрослев и отслужив во Вьетнаме, Артур совершает серию поджогов и краж со взломом, а затем убийство мальчика и девочки. Отсидев два срока, Артур выходит на свободу, и социальные службы селят его в городок Рочестер близ Нью-Йорка, забыв предупредить местную полицию. Спустя некоторое время в местной реке Дженеси начинают находить трупы молодых женщин, и их число быстро переваливает за десять...

Почему Артур убивал самых разных жертв — сначала детей, а потом женщин, — не как остальные серийные убийцы? Как повлияли на него насилие матери и служба во Вьетнаме? Почему психиатры не считали его психопатом? «Убийца с реки Дженеси» — это мастерская хроника убийств одного из самых противоречивых маньяков, написанная в сотрудничестве с его близкими, родственниками жертв и детективами по его делу.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-189703-1

© Самуйлов С.Н., пер. на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

Когда я встретила с бывшим психологом-криминалистом ФБР Греггом Маккрэри, мы обсуждали будущую книгу, в которую вошли бы его самые запоминающиеся дела. В одном из таких дел фигурировал Артур Шоукросс, серийный убийца из города Рочестер в штате Нью-Йорк. Маккрэри выступал консультантом по этому делу и предложил стратегию поимки убийцы.

Моя работа над книгой под названием «Неведомая тьма» состояла в помощи развитию писательского мастерства Маккрэри, а также в изучении каждого случая из его практики, поисков информации за пределами того, о чем Маккрэри мог знать раньше, например, выяснение подробностей о месте преступления и глубоко в прошлом преступников. В ходе работы мне встретилась эта книга Джека Олсена. Подход автора отличался скрупулезной точностью. Именно это мне и требовалось, поскольку дело Шоукросса было очень сложным.

24 марта 1989 года двое охотников наткнулись на замерзшее женское тело, одетое в джинсы и толстовку. Полиция вытасила труп из воды. Вскрытие показало, что женщина была задушена и избита ногами, а возможно, еще и искусана. Вскоре обнаружили другие тела, и полиция Рочестера обратилась за помощью к ФБР. Всего за год у специалистов накопилось одиннадцать нераскрытых дел об убийстве проституток.

У нас были материалы расследования и протоколы опросов свидетелей, а также опыт Маккрэри, побывавшего той холодной зимой на севере штата Нью-Йорк, когда он посещал места преступлений, но этого мне было мало.

Олсен брал интервью у самых разных людей, так или иначе имевших отношение к этому делу. Также он хорошо знал окрестности Рочестера и основную территорию, на которой об-

наружились трупы — живописное ущелье реки Дженеси. Он собрал весьма разнообразные сведения. Убийца оказался странным типом, бывшим заключенным, которого слишком рано выпустили из тюрьмы после двух убийств детей и который воспользовался неэффективной системой условно-досрочного освобождения в своих интересах. Это позволило ему дальше убивать, снова и снова. Даже после его поимки ситуация оставалась непростой, поскольку судебный процесс превратился в поле битвы экспертов. Чтобы рассказать такого рода историю, нужен умелый, внимательный писатель. Такой как Джек Олсен.

Он написал более тридцати книг, получил за свое мастерство ряд наград, обладает солидным опытом работы в области криминальной журналистики и полицейских репортажей. Чтобы оценить всю цельность его работы, мне хватило короткого знакомства с одной из его книг. Не просто так его назвали «воспитателем авторов в жанре тру-крайм» (говорят, однако, что это звание ему не нравится). Он заметно выделяется в ряду своих коллег. Читатели могут не только доверять его точности и достоверности, но и рассчитывать на то, что чтение выйдет занимательным.

Однако Олсен не просто писатель. Он еще и наставник. Он дружит с другими авторами, дает им советы и поддерживает их. Он чувствителен к социальным проблемам и системным ошибкам, а также объединяет людей, призывая их занимать твердую позицию по вопросам, которые имеют значение. Для него писательство не просто репортаж, но и *режиссура*. Он хочет взволновать читателей. Он проливает свет на темные уголки истории и делает убедительными душевраздирающие истории об изнасилованиях, несправедливости или убийствах. Он никогда не забывает о качестве. По словам тех, кто тесно сотрудничал с ним, Олсен был «упертым репортером», который неустанно добивался правды.

Я оценила это как исследовательница, писательница и читательница, поэтому рада познакомить и других с версией истории о Шоукроссе, которую предлагает Олсен.

*Кэтрин Рамсленд,
автор 58 книг, в том числе бестселлеров
издания «Уолл-стрит джорнал» —
«Психопат», «Человек-хищник»
и «Разум убийцы»*

*Джек Оуэн Блейк, Карен Энн Хилл, Дороти Блэкберн,
Анна Штеффен, Дороти Килер, Патрисия Айвз,
Фрэнсис М. Браун, Джун Стотт, Элизабет А. Гибсон,
Джун Сисеро, Мария Уэли, Фелиция Стивенс
и Дарлин Трипти — эта книга написана в память о вас.*

Внутри меня слишком много мучений, слишком много гнева, от которого нужно избавиться! Меня нужно было бы кастрировать или воткнуть мне в голову электрод, чтобы остановить мою глупость, или как это еще назвать. Я просто заблудшая душа, которая ищет избавления от своего безумия.

Пожалуйста, Боже, пусть кто-то мне поможет.

Артур Джон Шоукросс,
рукописный отчет,
март 1990 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УБИЙСТВО НА СЕВЕРЕ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК

Одним из многих тихих и приятных городков на этой территории является Уотертаун с населением 33 000 человек. О серьезных преступлениях здесь практически ничего не слышно. В окружной тюрьме редко встретишь заключенных, за которыми числятся более серьезные преступления, чем пьянство и нарушение общественного порядка.

«Ю. С. Нью энд уорлд рипорт»,
1967 год

1.

Мэри Эгнис Блейк стояла во главе целого дома бедняков. Там жили ее собственные девять детей, беглецы и беглянки, дальние родственники, муж-алкоголик и его непутевые приятели, а также все, кто только заглядывал в этот старый деревянный дом в низине. Кофеварка, которую заправляли украденным в магазине кофе, тарахтела весь день. С тех пор как хозяйке исполнилось двадцать с небольшим, все называли Мэри Эгнис просто Ма.

— Сколько себя помню, — объясняла она, — я всегда присматривала за людьми. Когда мне было пять лет, заботилась о соседских детях, чтобы с ними ничего не приключилось. Для этого Господь и послал меня на землю, так?

Говорила Мэри на простом, непритязательном английском, с теми его северо-восточными особенностями, которые слышны от Олбани до реки Святого Лаврентия. Согласно у нее звучали резко, гласные она коверкала до неузнаваемости, а глаголы предпочитала слабые, попроще.

Иногда устами Мэри говорили ее умершие родители, и тогда выходило что-то наподобие «трясти ногой», «чтоб меня перекосило!», «от ворот поворот» и тому подобное. В повседневном общении ее голос звучал резко и гнусаво, не чересчур громко, но в жарких дискуссиях он приобретал звенящую остроту промышленного режущего инструмента. Сосредоточив свое рассеянное внимание на одном объекте, она бросала свое короткое «так?» и пристально вглядывалась в собеседника своими темно-синими глазами. Она редко проигрывала в спорах и никогда не отступала.

В свои пятьдесят с небольшим эта почтенная глава семейства, настоящий матриарх, была ростом почти 155 сантиметров

и весила 44 с лишним килограмма, а поскольку досыта она ела редко, то фигуру сохраняла вполне компактную. Ее обезоруживающая улыбка и лукавый ирландский взгляд наводили на мысль, что ее можно удивить, но не одурачить. Нос у нее был вздернутый, кожа — чистая, лицо без морщин, за исключением «паутинки» вокруг глаз. С годами ее волосы потемнели до каштановых с проседью. Она отрачивала их почти до плеч и не особо беспокоилась о своем внешнем виде. Для беспокойства ей с избытком хватало других причин.

2. Мэри Блейк

Я родилась дома в День благодарения 1934 года в Уотертауне, штат Нью-Йорк, в пятидесяти километрах от канадской границы. Мама говорила, что я — самая большая индейка из всех, что у нее были. В семье из четырнадцати детей — семь мальчиков и семь девочек — я была тринадцатой, предпоследней.

В роду моего отца, Лоутонов, были немцы, ирландцы, индейцы и французы. Мать носила фамилию Литц, и ее родственники состояли в основном из немцев. Так что мы, дети, были полукровками. Местные называли нас «черными Лоутонами» — то ли потому, что мы жили около реки Блэк, то ли потому, что это как-то относилось к черным ирландцам¹. А может, нас окрестили так из-за образа жизни. Много раз нам приходилось воровать, чтобы поесть.

Мой отец начинал фермером в Лафарджвилле, небольшом местечке к северу от Уотертауна, рядом с озером Онтарио, но земля там была слишком скудная, и он занялся бутлегерством. В прежние времена, когда виски возили из Канады, этот район называли «Маленьким Чикаго». Даже после введения сухого закона люди ходили к моему отцу, чтобы обойти налог на выпивку. Дед моего отца был английским эрлом, и большинство

---

¹ Черные ирландцы (*англ.* Black Irish) — термин, который применяется американскими ирландцами для людей ирландского происхождения с темно-каштановыми или черными волосами, отличающимися от стереотипа про рыжеволосых ирландцев.

Лоутонов сегодня — люди состоятельные и уважаемые. Из тех, что просто так на минутку не засакаивают.

Я родилась от отца, но в семье были и дети, которых мать прижила от своего дружка Фреда Бернэма, хотя сама она в этом и не признавалась. Отец пил, гулял с другими женщинами и бил мою мать. В конце концов он переехал жить на Фэктори-стрит, где и спился совсем. По части пьянства опыт у меня большой — в моей семье пили оба родителя, и у моих собственных детей история повторилась. Ну, если это не болезнь, то и ладно.

Моя мама одна растила четырнадцать детей в нашем деревянном доме на Уотер-стрит. Потом она позволила жить у нас Фреду Бернэму, который так и стал нашим отчимом. Пил он много и, когда напивался, поколачивал нас, а трезвым ставил в угол или заставлял стоять коленями на рисе. Однажды ночью он заявился пьяный и, подняв меня, бросил на дровяную печь. Мне повезло, что печь не была растоплена.

Когда он напивался, моя мать загоняла нас, детей, в спальню и вставляла в щель ножи для масла, чтобы он не мог открыть дверь. Как только она выходила, он избивал ее, а если замечал кого-нибудь из детей, то доставалось и нам.

Я до сих пор не понимаю, почему мама не сдала его в полицию. В те времена копы были нашими друзьями; к нам частенько заходил сам начальник полиции. Копы патрулировали нашу улицу и заходили выпить кофе или просто погреться ночами, когда с озера Онтарио дул северный ветер и слюна замерзала на лету, не успев коснуться земли. В тридцатые годы законники еще не разъезжали повсюду в теплых машинах, так?

Отходы от фабрик вокруг в конце концов прикончили мою мать в 1970 году. «Блэк Клоусон» производил оборудование для бумажных фабрик, а «Нью-Йорк эйрбрейк» — тормоза для поездов, и над обоими этими заводами всегда стоял дым, а из труб летели искры. Литейный цех «Клоусона» грохотал так, будто взлетала ракета, и освещал весь наш район. Мы жили прямо под штабелями продукции этих фабрик, и все мое детство прошло в шуме: на запасных путях гудели локомотивы, то и дело громыхали грузовики и другая тяжелая

техника. Наш дом стоял позади другого дома, будто строители не хотели, чтобы люди видели наше жилище с улицы. Влажный речной воздух скапливался в легких у моей мамы. Облачка сажи слетали с кленовых листьев. Дождь оставлял темные следы на одежде — мы называли его черным дождем. Запах стоял ужасный. Боже ты мой, над нашим районом всегда висели серые тучи.

Неподалеку протекала река Блэк, такая узкая, что ребенок мог перекинуть через нее теннисный мяч. Потом ее перекрыли плотиной для подачи воды. Эта река постоянно воняла. Даже спустя годы после того, как прошел последний паровоз, вода оставалась серой от сажи и угольной пыли с бумажных фабрик по обоим берегам. Тогда их было тридцать или сорок, и тянулись они до самых Адирондаков, а сейчас заводов осталось мало, по пальцам пересчитать. Вот почему молодым людям в Уотертауне никогда не хватало работы — фабрики то и дело закрывались. Их развалины и сейчас еще можно видеть на обоих берегах вниз и вверх по реке: пустые окна, обрушенные стены, груды кирпича и дерева. Просто гранд-отель для крыс и мышей! Большинство местных давно уже разъехались. Что до меня, то я родилась здесь и здесь же умру. У моих детей настрой тот же. Да, здесь шумно и грязно, здесь воняет, здесь вредно жить, но это наш дом.

Мы то и дело нуждались в деньгах, все время их не хватало. Когда я была маленькой, моя мать обычно наливала воду в кувшин и шла пешком через лес к свалке на холме Бутджек. На голову она повязывала бандану, чтобы не хватил солнечный удар. На свалке всегда воняло от шлака, кусков латуни, железа, меди, листового стекла, бумаги и дерева, которые сливались в одно месиво. Самосвалы сбрасывали свой груз еще горячим, и люди, шесть или восемь человек, бросались к дымящейся куче и копались в ней. Моя мать зарывалась так глубоко, что мы видели только подошвы ее туфель. Если бы эта нора обрушилась, ее бы там погребло заживо. Мать вылезала, кашляя и чихая, с опаленными волосами и обожженными руками, но это ее не останавливало. Мои братья грузили добычу на тачки и отвозили все старьевщику Эйбу Куперу. Его развалы были рядом с центральными железнодорожными путя-

ми штата, которые проходили по Фэктори-стрит. Моя сестра Нэнси как-то нашла такой большой кусок латунного шлага, что увезти его смогли только на детской коляске. Это была самая крупная наша добыча.

Голодали мы редко. Если добыть на свалке ничего не удавалось, мама собирала для нас пучок зелени одуванчиков, готовила их с соленой свининой и добавляла немного уксуса, чтобы усилить вкус. Иногда она собирала лесную землянику для песочного пирога. По ночам мои братья пробирались на фермы и копали картошку — собирали полуночный урожай. Нет ничего на свете хуже картофеля с соленым свиным жиром. Фермеры разводили миллионы индеек, но не дали бы тебе ни кусочка, даже если бы ты помирал с голоду. Индеек добывал Роланд. Иногда он приносил их больше, чем мы могли съесть, и тогда он продавал их в ресторан на углу, а деньги проматывал в бильярдной. Роланд всегда придумывал какую-нибудь историю, чтобы объяснить, откуда у него индейки, потому что наша мать строгонастрого запрещала воровать.

Когда мне было десять, Роланд принес домой свинью, и мы разделали ее на кухне. Он сказал маме, что поймал ее в лесу. Красть он перестал после того, как попался полиции штата и получил штраф в пятьдесят баксов. Таких денег мы в глаза никогда не видели, но он должен был заплатить или отправиться в тюрьму.

Наверно, кража домашней живности у нас в крови. Моего любимого дядю Эрла Лоутона выгнали из Уотертауна за то, что он воровал коров. Это было, когда я еще не родилась. Выписали ордер, по которому ему грозил арест и тюрьма, если он снова появится на территории округа Джефферсон.

Мы, дети помладше, воровали нечасто и по мелочи, но кое-кто из моих братьев старался и за себя, и за нас всех. Роланд и Фредерик прибирали к рукам любой металл, который плохо лежит. Они воровали из припаркованных на бульваре тягачей с прицепом — большие коробки с кофе, шампунем, маслом для волос, овощными консервами, сардинами. Моего брата Джуниора поймали на краже большого мотка медной проволоки. Во время Второй мировой он служил рейнджером, был ранен в ногу, получил медаль «Пурпурное сердце», но все равно попал в тюрьму.